

ФИАЛКИ

(памяти А.А. Вознесенского)

Невыносимо писать о Вознесенском, как о покинувшем наш суетный мир. Но не писать невозможно. Первого июня остановилось сердце гениального поэта современности Андрея Андреевича Вознесенского. Он и ушёл от нас необычно, выбив дуплетом две семёрки...

В мартовском номере «Собеседника» Вознесенский, возможно, давал своё последнее интервью Дмитрию Быкову:

«С Вознесенским я в последнее время разговаривал несколько раз... Разговоры длились минут по пятнадцать, не больше, потому что боюсь его утомлять. Но странное дело – на людях он чувствует себя лучше. Это и давняя эстрадная выучка, и внутренний кодекс чести: никто не должен видеть, каково тебе на самом деле. Он один из крупнейших поэтов XX века, и этого статуса не станут сегодня оспаривать даже заядлые его ругатели. Он давно в том статусе, когда любое высказывание предваряется оговоркой: «Вознесенский, конечно, большой поэт, но...» А по-моему, и без всяких но. Вознесенский до сих пор интересен: то, что он умудряется писать, героически сражаясь с болезнью, - поражает свежестью, темпераментом и хваткой. Но, помимо всякой эстетики, поражает мужество, с которым он встречает испытания последних лет: он, вечно упрекаемый то в легковесности, то в истеричности, то в самолюбовании. Я не знаю в последнее время более убедительного примера героизма – по крайней мере, в литературе».

Я позволю себе процитировать несколько фраз из интервью с Андреем Вознесенским. Вот что говорит поэт об авангарде: *«Искусство не для того выходит на площадь, чтобы показывать себя: оно идёт переделывать мир. Это прямое продолжение модерна, нормальная линия – кончился образ художника-алхимика, затворника, началась прямая переделка Вселенной. «Кроится миру в черепе». Это было и на Западе, не только у нас, и вторая молодость авангарда – шестидесятые, битничество – продолжение той же утопии. А в России это совпало с революцией, отсюда упования на государство, на утопию, - утопия вообще для искусства вещь довольно плодотворная. А наоборот – не очень. Пока человек чувствует, что он всё может и будущее принадлежит ему, он менее склонен к*

подлостям, чем если чувствует себя винтиком. Авангард предъявляет к человеку великие требования. И сейчас скажу то же, что и двадцать лет назад: ничего более живого в искусстве XX века не было, из русского и европейского футуризма выросло всё великое, что этот век дал. Русская провинция продолжает давать прекрасные молодые имена, потому что футуристична по своей природе. Там без утопии не проживешь. Противопоставление авангарда и традиции, кстати, ложно – по крайней мере, в России. Авангард с его максимализмом и есть русская традиция. «Слово о полку Игореве» как будто футуристы писали. Плакаты авангардистов, в том числе богоборца Маяковского – не атеиста ни в коем случае! – восходят к иконе. Авангарднее русского фольклора вообще ничего нет – рэп шестнадцатого века».

Отмечу главные вехи в жизни Андрея Вознесенского:
1933 – родился 12 мая в Москве в семье гидроинженера;
1947 – в 14 лет послал свои стихи Пастернаку, с которым дружил впоследствии;
1957 – окончил Московский архитектурный институт;
1978 – участник альманаха «Метрополь», в том же году получил Госпремию за сборник «Витражных дел мастер»;
1993 – академик Российской академии образования, почётный член десятка академий по всему миру.

Буквально на прошлой неделе, незадолго до печального известия о кончине поэта, появился у меня на работе мой давний приятель Василий Блохин, и я узнал от него, что то прекрасное стихотворение, которое он мне читал несколько лет назад в церковной сторожке, называется «Рама» из сборника Вознесенского «Ахиллесово сердце». Мне предстоит ещё найти этот сборник стихов. А также открыть для себя «Собор» Вознесенского. Два этих сборника вышли в свет где-то в середине шестидесятых. Мне предстоит ещё прикоснуться к тайне творчества поэта.

А пока, отдавая должное таланту Мастера, процитирую небольшую главу из известного эссе Андрея Вознесенского «Мне четырнадцать лет». В этой главе пойдёт речь о мало известном читателю поэте А.Е.Крученых.

«Тут в моей рукописи запахло мышами.

Острый носик, дернувшись, заглядывает в мою рукопись. Пастернак остерегал от знакомства с ним. Он появился сразу же после первой моей газетной публикации.

Он был старьевщиком литературы.

Звали его Алексей Елисеевич Кручка, но больше подошло бы ему – Курчонок.

Кожа щек его была детская, в пупырышках, всегда поросшая седой щетиной, растущей запущенными клочьями, как у плохо опаленного цыпленка. Роста он был дрянного. Одевался в отрепья. Плюшкин бы рядом с ним выглядел завсегдаем модных салонов. Носик его вечно что-то вынюхивал, вышныривал – ну не рукописью, так фотографией какой разжиться. Казалось, он существовал всегда – даже не пузырь земли, нет, плесень времени, оборотень коммунальных свар, упыриных шорохов, паутинных углов. Вы думали – это слой пыли, а он, оказывается, уже час сидит в углу.

Жил он на Кировской в маленькой кладовке. Пахло мышью. Света не было. Единственное окно было до потолка завалено, загажено – рухлядью, тюками, недоеденными консервными банками, вековой пылью, куда он, как белка грибы и ягоды, прятал свои сокровища – книжный антиквариат и списки...

Он продавал рукописи Хлебникова. Долго расправляя их на столе, разглаживал, как закройщик. «На сколько вам?» - деловито спрашивал. «На три червонца». И быстро, как продавец ткани в магазине, отмерив, отхватывал ножницами кусок рукописи – ровно на тридцать рублей.

В свое время он был Рембо русского футуризма. Создатель заумного языка, автор «Дыр булл щыл», он внезапно бросил писать вообще, не сумев или не желая приспособиться к наступившей поре классицизма. Когда-то и Рембо в том же возрасте так же вдруг бросил поэзию и стал торговцем. У Крученных были строки:

Забыл повеситься
Лечу
Америку

Образования он был отменного, страницами наизусть мог говорить из Гоголя, этого заповедного кладезя футуристов.

Как замшелый дух, вкрадчивый упырь, он тишайше проникал в вашу квартиру. Бабушка подозрительно поджимала губы. Он слезился, попрошайничал и вдруг, если соблаговолит, вдруг верещал вам свою «Весну с угощеньцем». Вещь эта, вся речь её с редкими для русского языка звуками «х», «щ», «ю», «была отмечена весной, когда в уродстве бродит красота».

Но сначала он, понятно, отнекивался, ворчит, придуряется, хрюкает, притворяшка, трет зачем-то глаза платком допотопной девственности, похожим на промасленные концы, которыми водители протирают двигатель.

Но вот взгляд протерт – оказывается, он жемчужно-серый, синий даже! Он напрягается, подпрыгивает, как пушкинский петушок, приставляет ладонь ребром к губам, как петушиный гребешок, напрягается ладошка, и начинает. Голос у него открывается высокий, с таким неземным чистым тоном, к которому тщетно стремятся солисты теперешних поп-ансамблей.

«Ю-юйца!» - зачинает он, у вас слюнки текут, вы видите эти, как юла, крутящиеся на скатерти крашеные пасхальные яйца. «Хлюстра», - прохрюкает он вслед, подражая скользкому звону хрусталя. «Зухрр» - не унимается зазывала, и у вас тянет во рту, хрупает от засахаренной хурмы, орехов, зеленого рахат-лукума и прочих сладостей Востока, но главное – впереди. Голосом высочайшей муки и сладострастия, изнемогая, становясь на цыпочки и сложив губы как для свиста и поцелуя, он произносит на тончайшей бриллиантовой ноте: «Мизюнь, мизюнь!..» Все в этом «мизюнь» - и юные барышни с оттопыренным мизинчиком, церемонно берущие изюм из изящных вазочек, и обольстительная весенняя мелодия Мизгиря и Снегурочки, и, наконец, та самая щемящая нота российской души и жизни, нота тяги, утраченных иллюзий, что отозвалась в Лике Мизиновой и в «Доме с мезонином», - этот всей несбывшейся жизнью выдохнутый зов: «Миссюсь, где ты?»

Он замирает, не отнимая ладони от губ, как бы ожидая отзыва юности своей, - стройный, вновь сероглазый принц, вновь утренний рожок российского футуризма – Алексей Елисеевич Крученых.

Может быть, он стал барыгой, воришкой, спекулянтом. Но одного он не продал – своей ноты в поэзии. Он просто перестал писать. Поэзия дружила лишь с его юной порой. С ней одной он остался чист и честен.

Мизюнь, где ты?» ...

Перед его 75-летием, в мае 2008 года, Вознесенскому позвонили из редакции «Российской газеты» и попросили, если возможно, прислать новое стихотворение. Он немедленно откликнулся и прислал строки, которые дышали поразительной весенней свежестью и молодостью.

Ф-ки

Ухаживали. Фаловали.

Тебе, едва глаза протру,

Фиалки – неба филиалы –

Я рвал и ставил поутру.

Они из чашки хорошели.

Стыдась, на цыпочках, враспяг

К тебе протягивали шеи,

Как будто школьницы в гостях

*Одна, отпавшая от сверстниц,
В воде отпльившая по грудь
Свою отдать хотела свежесть
Кому-нибудь, кому-нибудь...*

Андрей Вознесенский